

ספר

**Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах "Сэфер"**

Педагогический Центр Ваага

Межрегиональный Центр преподавания иврита

**Язык иврит:
исследование
и
преподавание**

**Материалы Девятой Ежегодной международной
междисциплинарной конференции по иудаике**

Москва 2002

УДК 811.411.16`08(063)

ББК 81.2Ивр

**Издание осуществлено при финансовой поддержке Американского
Еврейского Объединенного Распределительного Комитета (ДЖОЙНТ)
и
Фонда Л.А. Пинкуса по поддержке еврейского образования в диаспоре**

בסיוע הקרן לחינוך יהודי בתפוצות ע"ש ל' א' פינקוס, ישראל

**Published with the support of the American Jewish Joint
Distribution Committee (JDC)
and
the L. A. Pincus Fund for Jewish Education in the Diaspora, Israel**

**Общая редакция:
А.А. Крюков, Е.Б. Марьянчик**

ISBN 5-901683-63-3

© Центр научных работников и преподавателей
иудаики в вузах “Сэфер”, 2002
© Педагогический Центр Ваада, 2002
© Межрегиональный Центр преподавания иудаики, 2002
© Коллектив авторов, 2002

Об исторических корнях современного ивритского сленгаВведение

50-е гг. XX в. были тем рубежом, за которым началось принципиальное содержательное изменение процесса развития иврита. За предшествующие семь десятилетий он в целом сумел вернуть себе статус разговорного языка, стать "лингва франка" для сотен тысяч израильтян - выходцев из десятков стран. Иврит состоялся как полноценный национальный язык с разработанной грамматикой и активно увеличивавшимся лексическим корпусом, полноправно ставший государственным языком молодой страны. На новом иврите начала создаваться молодая литература Государства Израиль.

Вместе с тем, уникальная новейшая история страны, характеризовавшаяся прежде всего бурным ростом разноязычного населения, неизбежное в этих условиях смешение культур и этно-психологических особенностей характера при одновременном устойчивом сохранении общинно-замкнутого образа социально-культурной и духовной жизни больших групп иммигрантов в казалось бы мононациональном государстве евреев, а также ряд других факторов привели к неожиданному эффекту. В целом линейный и целостный процесс развития языка расслоился на отдельные русла и уровни, относительно замкнутые этнолингвистические поля (даже на столь малой лингвогеографической территории, как площадь Израиля), групповые и возрастные социолекты, к которым начали добавляться формировавшиеся профессиональные аргы. Вторая половина XX в. в Израиле проходила под знаком становления и укоренения в разговорном иврите целого ряда субязыков: молодежного и армейского сленга, жаргона полицейских и асоциальных групп населения, лексикона жителей кибуцов, появления специфических лексико-семантических и синтаксических особенностей в речи детей, родившихся в Палестине / Израиле.

Означенные дискретные процессы в развитии израильского иврита, разумеется, не были неожиданными и революционными. Они зародились одновременно с началом возрождения разговорной функции древнего языка (80-е гг. XIX в.), а по прошествии более полувека уже очевидно проявились как

имманентная данность языковой ситуации Израиля 50-х гг. XX в. "В процессе возрождения иврита, — отмечала израильский специалист по разговорному ивриту Малка Мучник, — проблема сленга приобрела особую важность" [1, с. 58].

Однако многие в Израиле, в том числе и представители академических кругов, долгое время пытались не замечать и даже сознательно игнорировать очевидные явления расслоения иврита на ряд социолектов, хотя языковая действительность была объективна и ее новые проявления заслуживали тщательного описания и изучения. "Стыдно и неловко должно быть всем, — писала М. Мучник, явно обращаясь к некоторым своим коллегам-филологам, — кто делает вид, что иврит это единый язык всех тех, кто им пользуется. ...В действительности же существует иврит будней и иврит субботы, иврит "вуз-вузим" и иврит "чах-чахим" (пейоративные собирательные клички евреев — выходцев соответственно из Германии и Марокко. — А. К.), иврит йеменитов и иврит англосаксов..." [1, с. 62].

Диахронический анализ ста лет генезиса, развития и нынешнего расцвета ивритского сленга позволяет разделить его историю на четыре основных этапа:

1. первый — с начала XX в. по его тридцатые годы,
2. второй — 40-е - 50-е гг.,
3. третий — 60-е - 70-е гг.,
4. четвертый — с 80-х гг. по настоящее время.

Обоснование предлагаемой периодизации:

1. на основе обработки эмпирического материала можно сделать вывод о том, что сленг, как самостоятельное характерное явление языковой реальности, начинает проявляться в возрождавшемся разговорном иврите и произведениях новой ивритской литературы в начале прошлого века. До этого времени мы практически не имеем документальных свидетельств, указывающих на сколько-нибудь устойчивое присутствие сленговых единиц в устной и письменной речи на иврите;
2. в период с 30-х по 50-е гг. одновременно с продолжением общего процесса развития иврита складывается особый вид разговорного языка — так называемый "язык ПАЛ-МАХа" — первый в истории современного иврита фиксированный субязык особого гермосоциума, включающий в себя значительное количество элементов сленга. Происходит расширение лексикона сленга, в основном за счёт за-

- имствования иноязычного (на этом этапе — арабского) лексического материала;
3. в период с 50-х по конец 70-х гг. сленг иврита продолжает развиваться на лексической базе языка ПАЛМАХа. Важным лингвистическим явлением этого периода стал бурный процесс формирования армейского жаргона. За счёт притока в Израиль большого числа арабоязычных иммигрантов еще более увеличивается доля арабизмов в сленге иврита. К концу семидесятых годов в значительной мере уменьшается роль заимствований из русского языка и идиша, а сами они постепенно выходят из активного употребления;
 4. в течении двух последних десятилетий XX в. сленг иврита претерпел значительные изменения. Сформировались такие новые виды как уголовно-полицейский жаргон, арго некоторой асоциальных групп и сексуальных меньшинств (проститутки, наркоманы, гомосексуалисты, трансвеститы), арго интернет-пользователей. Сленг поколения ПАЛМАХа перешел в статус ностальгически-музейного. В силу открытости Израиля американской массовой культуре и вообще социально-политической и экономико-военной ориентации на США и американский (а не европейский) образ жизни, заметную конкуренцию многочисленным арабизмам предшествующего периода все больше составляют заимствования из американского варианта английского языка и американского сленга.

Другой принципиальной характеристикой сленга нынешнего периода является его возрастающая агрессивность и инвективность (как отражение общей варваризации разговорного иврита).

1. От лексикона гимназии "Герцлия" до арго рыбаков.

О отдельных ранних (вероятно, и до периода конца XIX - начала XX вв.) и в целом не закрепившихся в иврите проявлениях сленговой лексики мы можем судить, например, по сборнику Н. Бен-Ехуды "ברכות וקללות" ("Благословения и проклятия"), представляющего собой собрание благословений, пожеланий, поговорок, присловий и проклятий из истории еврейского народа разных периодов. Возможно, проклятия и благословения, как особая эмоционально-экспрессивная об-

ласть языка, были первыми формами, из которых начал развиваться сленг.

В отличие от современного сленга, в котором многие его элементы были заимствованы из ряда языков народов мира, в работе Бен-Ехуды мы находим следы сленга в некоторых других еврейских языках, например, в ладино и идише. Отдельные фразеологизмы позволяют высказать осторожное предположение о наличии в них предпосылок возникновения сленга в то время, когда эти языки были ещё живыми языками повседневного общения евреев стран Западной и Восточной Европы, а также Средиземноморья.

Возрождение древнего иврита и его трансформация в повседневный разговорный язык сразу потребовало огромного количества новых слов, которыми библейский и талмудический иврит, естественно, не располагали. Захвативший очень многих в еврейской общине Палестины (ишув) процесс словотворчества привел к возникновению тысяч и тысяч новых лексико-фразеологических единиц, далеко не всегда соответствовавших нормам ивритского словообразования.

Выдвинем предварительный тезис о том, что в ишув сленг начал формироваться с того момента, как иврит перестал быть исключительно языком духовной литературы и религиозного культа и начал функционировать в качестве разговорного.

За отсутствием в иврите адекватных оригинальных слов, начавшим писать на иврите литераторам приходилось прибегать к заимствованной лексике, в том числе и коллоквиальной. Так, в написанной еще в конце XIX в. повести "Арьюкулак" ("אריה בעל גוף") Х. Н. Бялика встречаем фразу о том, что главный герой жил в "кацапской слободке" ("הסלובודקה הקצפית"). Известно, что украинцы на просторечии называли "кацапами" русских. Еще: Арье любил попивать "י"ש חריף גג על גג", что можно перевести как "забористый самогон, от которого (пользуясь сегодняшним молодежным сленгом. — А. К.) крышу рвет".

Одна из глав другого произведения Бялика "Сафиях" ("ספיה") называется "לוקש". Это сленговое слово (кстати, удивительный долгожитель — активно используется и сего-

дня) изначально было заимствовано из идиша и означало макаронину, то есть в переносном и своем основном разговорном значении - худого и высокого человека. В стихотворении "Сказание о Немирове" ("משא נמירוב") Бялик использует гебраизированный глагол из идиша: "כאשר שנווררם תשנווררו".

К подобным просторечиям и сленговым словам и фразам активно прибегали практически все современники знаменитого поэта — еврейские литераторы конца XIX — начала XX вв. Будущие классики новой ивритской литературы, не отказываясь принципиально от создания прозы на литературном иврите, сознательно писали тем языком, какой был понятен их читателям, не избалованным тогда литературным ивритом. С другой стороны, ощущая острейшую нехватку ивритской лексики, ивритоязычные поэты и прозаики были вынуждены вводить в свои тексты обилие заимствований и просторечий. "Писатели-классики — Бялик, Черниховский, Шнеур и Шленский — нуждались в сленге, — подтверждает М. Мучник, — они прибегали к нему в трудной ситуации или умышленно, и их тексты хорошо понятны нам..." [1, с. 66]

Таким образом, есть основания утверждать, что начало сознательного и целенаправленного использования ивритскими литераторами сленговой лексики и фразеологии восходит к рубежу XIX — XX вв.

Порой процесс словотворчества принимал максималистские формы — быстро создать все то, что есть в языке других народов, а значит — и инвективную лексику. Молодое поколение евреев, как живших в диаспоре, так и палестинских, видя в иврите один из главных национальных символов, стремилось максимально быстро приспособить этот язык ко всем реалиям повседневной жизни и остро переживало неразработанность разговорного языка, огорчалось из-за отсутствия в нем даже ненормативной лексики.

"Общей для всех проблемой, — вспоминал о языковой ситуации первых лет нынешнего столетия в Палестине Н. Гутман, — являлся поиск адекватного слова или выражения на иврите. Однажды мы (учащиеся гимназии "Герцлия". — А. К.) решили, что, поскольку во всех языках есть грубые, жаргонные словечки, они должны быть и в иврите. И действительно, мы придумали несколько соответствующих "терминов", часть из которых живет и поныне. Я помню серьезные лица товари-

щей по классу, доказывавших, что необходимо сделать наш язык пригодным на все случаи жизни" [2, с.74].

На основе анализа ряда литературных и мемуарно-исторических источников мы выдвигаем (принимаемый не всеми израильскими коллегами-филологами) тезис о том, что первым относительно устойчивым сленговым корпусом в "новом иврите" можно считать немногочисленный, в значительной мере искусственный и на начальном этапе функционирования достаточно герметичный (определение В. Елистратова, [4]) лексикон учащихся гимназии "Герцлия".

С юношеским максимализмом усиленно и утрированно еврейские юноши в Палестине практиковали новую, зачастую искусственно созданную лексику и фразеологию, отдельные единицы которой впоследствии удержались в иврите и дожили до наших дней (см., например, [3]). Для многих в тогдашней еврейской общине, особенно из числа молодежи, разговор на неформальном, ненормативном, "молодом" иврите был одним из главных социолингвистических проявлений созидательного энтузиазма нации, возрождавшейся на исторической родине.

Идею о хронологической первичности сленга учеников "Герцлии" также поддерживает, например, действительный член Академии языка иврит проф. Ари Авнер, с которым нам довелось продолжительное время беседовать на эту тему в стенах Академии. Таково же мнение по этому вопросу А. Бар-Адона, специалиста по молодежному сленгу и языку детей (см., например: [5 - 9]): "Судя по всему, гимназия "Герцлия" в первые годы после своего основания (1906 г. — А.К.) служила творческой мастерской зарождавшегося ивритского сленга... Многие учащиеся первого набора (в те годы их было 193 человека. — А. К.) были авторами значительного числа сленговых выражений, живущих и доньне" [5, с. 25].

Еще одним герметичным пластом лексики, пожалуй, первым примером профессионального аргю палестинских евреев следует считать лексикон рыбаков и моряков. В начале прошлого века на побережье Средиземного моря в районах Акко и Хайфы начали появляться группы евреев, сделавших своим ремеслом морское дело (перевозки пассажиров и грузов, прогулки по морю для туристов, погрузочно-разгрузочные работы в портах и т. п.) и рыболовство. До этого времени профессии, связанные с морем, встречались у палестинских евреев достаточно редко. Рыболовство, как постоянный и устойчи-

вый род занятия, утвердилось среди еврейского населения Палестины лишь в 30-е гг. XX в.

На раннем этапе развития лексикон рыбаков подвергся значительному влиянию арабского разговорного языка ветеранов этого ремесла. Вообще арабский язык был языком повседневного общения для многих евреев Палестины как в период принадлежности данной территории Османской империи, так и в последующие тридцать лет британского мандата, вплоть до провозглашения независимости Израиля в 1948 г. Кроме влияния арабского языка и его местных диалектов (главным образом, сирийско-палестинского), в лексиконе еврейских моряков того времени также обнаруживаются многочисленные заимствования из английского, греческого, турецкого, русского, испанского, итальянского и немецкого языков. В целом обозначенный арготический корпус представлен в "Словаре израильских рыбаков и моряков" [11].

Примеры заимствований из английского языка: "שקל העוגן" ("якорное кольцо"). Первое слово конструкции происходит от английского "shackle" - "хомут; карабин". Это лишь омофом ивритского слова "שקל", означающего среди прочего меру веса серебра в древнем Израиле, а в последние двадцать лет так называется израильская денежная единица. Позже Академией языка иврит был предложен собственный термин — "טבעל העוגן" (дословно: "якорное кольцо"), используемый параллельно с указанным выше. "פיצ'ינג" — от английского "pitching" — "подвергаться боковой качке"; "דקבו" — "юнга", транслитерированное английское "deck boy"; используется параллельно с ивр. "הילד" (мальчик) и итальянским "voluo".

Примеры заимствований из арабского языка: "שרקייה" - "восточный ветер" (от араб. "شرقي" - "восток"), используется наравне с собственно ивритским "מזרחית" — то же значение; "ג'רף" - (с характерным для арабского ударением на первый слог) "сеть для вылавливания устриц; драга" (от араб. "جرؤ" — "сгребать"). Используется параллельно с ивр. "רשת גריפה" .того же значения .

Примеры заимствований из итальянского языка: "קצ'וקר" — "уха, рыбный суп" (от итал. "cacciucco"), используется наряду с ивритским "מרק דגים"; "בוטרגה" — "солёная рыба икра" (от итал. "botarga"). Еврейские рыбаки ашкеназского происхождения используют также слово "икра", заимствован-

ное из русского языка. Собственно ивритский компонент морского словаря невелик по объему. В основном это метафоры и переводы на иврит заимствованных лексических конструкций. Примеры: "ברבורים" (лебеди) — "белая пена на вехушках волн", "барашки"; "ים שמן" (букв. "масляное море") "спокойное море"; "כריש הפטיש" — "акула-молот"; "דג החרב" — "рыба-меч".
Дополнительные примеры см. [11].

2. Сленг ПАЛМАХа¹

Начавшийся процесс развития ивритского сленга, вероятно, первым попытался зафиксировать палестинский еврейский филолог Даниэль Перски. В 1933 г. он опубликовал в журнале "Наш язык" — "לשוננו", издававшемся Комитетом языка иврит, небольшую статью "Проблески народного языка". В ней автор писал о том, что в возрождавшемся иврите все чаще появляются и устойчиво закрепляются особые разговорные, сленговые слова, которые в текстах пока печатают в кавычках. Перски упомянул о лексиконе учащихсЯ гимназии "Герцлия" и сопроводил свою работу небольшим списком популярных сленговых слов и выражений (см.: [10]).

Большинство из тех немногих современных израильских филологов и историков иврита, кто касается проблем сленга, сходится во мнении, что первым относительно четко оформившимся сленговым лексико-фразеологическим корпусом следует считать язык бойцов ПАЛМАХа. Для этого утверждения, действительно, существуют вполне достаточные основания, тем более, что специфический, ставший во многом "культовым", устно-речевой материал того бурного периода новейшей еврейской истории зафиксирован в целом ряде известных изданий. Речь идет, прежде всего, о ставшем почти национальным бестселлером сборнике легенд, шуток и баек бойцов ПАЛМАХа "ילקות הזבים" ("Сборник небылиц"), собранных и записанных Д. Бен-Амоцем и Х. Хэфером. Последний также собрал в одном сборнике "Легкий боезапас" самые известные песни ПАЛМАХа:

(חיים חפר (פיינר). תחמושת קלה. מרחביה, 1949).

Обилие сленговых лексико-фразеологических единиц того времени мы также находим в написанных в целом на норма-

1 ПАЛМАХ (פלמ"ח) — "Ударные роты" — наиболее боеспособные нелегальные формирования еврейской самообороны "Хагана" (הגנה) в Палестине 40-х годов XX в.

тивном иврите романах группы молодых прозаиков, которые позже в литературоведении получают название "поколение ПАЛМАХ". Речь идет о ранних произведениях Ханоха Бартова, Д. Бен-Амоца, Самэха Изхара, Аарона Мэгед, М. Тальми, Моше Шамира, Давида Шахама. Ивритскую поэзию в этом поколении ярче всех представлял Хайим Гури, см., например, его сборник "פרחי האש" ("Огненные цветы", 1948 г.) и более позднюю "Сумасшедшую книгу" (1971, הספר המשוגע, ת"א). Х. Гури и Х. Хэфер издали сборник популярных среди бойцов ПАЛМАХа песен и стихотворений "Семья ПАЛМАХ" (חיים גורי וחיים חפר. משפחת הפלמח. י"מ, אין שנת היצא).

Более того: в январе 2001 г. в Иерусалиме старейший и авторитетнейший знаток раннего ивритского сленга Н. Бен-Ехуда рассказывала автору этих строк о том, что идея составить "Всемирный словарь разговорного иврита" родилась у нее именно в силу желания зафиксировать и сохранить особый язык ПАЛМАХа. Вспомним и книгу Бен-Ехуды [12] наверное, более, чем другие произведения авторов этого поколения насыщенную сленговой лексикой и фразеологией. Большинство из перечисленных авторов были в свое время бойцами подразделений ПАЛМАХа, поэтому, став литераторами, с живостью и достоверностью участников и очевидцев могли донести до следующих поколений израильтян дух, атмосферу и сочный язык того времени.

Бойцы ПАЛМАХа — молодые евреи, которые вместе работали на кибуцных полях и огородах, вместе проходили военную подготовку (тайно от британских мандатных властей) и участвовали в вооруженных акциях против арабов и тех же англичан, начинали использовать в своей речи новые, полукодированные и зачастую понятные только им слова и выражения. Такой лексикон указывал на принадлежность к элитной группе еврейской молодежи ишува, воодушевленно сражавшейся с оружием в руках за свои поселения и будущее государство. Следует отметить, что в силу полулегального, боевого, подверженного опасностям и даже гибели (в силу всего этого - в значительной степени романтического) образа жизни, сформировался и особый речевой стиль членов ПАЛМАХа, который получил лаконичное гордое обозначение "Это мы, мы — ПАЛМАХ" ("אנו אבן הפלמ"ח").

Общей отличительной характеристикой их речи является устойчивое чувство коллективизма, спаянности, боевого

товарищества, что в речи и на письме отражается частым использованием личного местоимения "мы" (см. выше: "мы - мы" - "אנו אנו"), обилием глаголов в форме I лица мн. числа. Вот, например, отрывок из произведения, в котором "палмахник" рассказывает о одной из операций своего отряда [13, с.177]:

"Мы начали беспокоить их ружейным огнем с одной из самых дерьмовых позиций в том районе, не показывая им, что у нас есть пулемет. В ходе трудного боя мы позволили им к утру "захватить" эту позицию, и тут они вдруг обнаруживают, что мы "сидим" прямо над ними на классной высоте".

"התחלנו להטריד אותם מאחד המשלטים המחורבנים ביותר בשטח באש רובים, בלי לגלות את המקלע שלנו. נתנו להם להסתער על המשלט הזה לאחר קרב קשה ו"לכבוש" אותו עם אור הבוקר, שאז נתגלה להם שאנחנו "יושבים" עליהם מלמעלה במשלט אדיר".

При этом речь "палмахников" характеризовалась устойчивым экстралингвистическим окрасом поведенческой независимости, резкости и своеобразной "крутизны", как сказали бы сегодня. Именно молодой еврей - боец ПАЛМАХа стал романтическим символом первого поколения "сабр" (צבר — сабра — еврей-уроженец Палестины), детей пионеров второй-четвёртой волн ("алия") массовой иммиграции в Палестину, кибуцников. В этой среде сложился первый "сабровский" фольклор, нашедший отражение в упомянутой прозе, песнях, стихах и театре, появился бытовой и военный сленг на иврите. Все это на особом языке ПАЛМАХа стало отражением коллективного сознания целого поколения.

Завышенная самооценка, ощущение собственной исключительности, гордая самоуверенность - отличительные черты молодых членов ПАЛМАХа и в целом первого поколения коренных израильтян. Эти социально-психологические установки гордых защитников и созидателей только что провозглашенного Государства Израиль неизбежно отражались в их языке и поведении, будь то игнорирование традиционных правил поведения или грамматики. Этот социально-поведенческий и морально-психологический феномен был настолько силен в Израиле 40-х - 60-х годов прошлого века, что

его влияние на израильский менталитет и культуру ощущается до сих пор (подробнее об этом см. [13])

В "ליקוט הזכרים" Хэфера и Бен-Амоца получает право на существование и становится очень популярным живущее и сегодня слово "צ'זבת" (история, рассказ, байка, небылица). В основе — общесемитский корень "כ-ד-ב" (основное семантическое значение — "неправда, ложь") и арабский глагол "كذب" — "лгать, говорить неправду". В итоге под фонетически редуцированным:

כיזבת ← צ'זבת

понимается особый вид историй, полуправда-полувымысел, чаще всего основанный на реальных событиях, но всегда украшенный и имеющий некоторый налёт геройства. Сразу появился соответствующий глагол в "биньяне" פיעל — "לצ'זבת" и производное существительное с славянским суффиксом "-ник" — "צ'זבתניק" (человек, знающий подобные истории и умеющий их рассказывать).

На развитие сленга ПАЛМАХа сильное влияние оказал арабский, бывший в то время в Палестине вторым разговорным языком, а также русский и идиш, которыми владели многие евреи, приехавшие из СССР и стран Восточной Европы. В названных произведениях и фольклоре "палмахников" встречаются многочисленные заимствования из названных языков, как на уровне описания быта, так и во втором, заместительном значении, переходя в сленг этого гермосоциума.

Здесь мы покажем семантико-функциональную роль некоторых наиболее частотных собственно ивритских слов, отражающих особый синтаксис и эмоциональный заряд лексики ПАЛМАХа.

Слово, которое постоянно обращает на себя внимание, это ивритский глагол "דפק", основной смысл которого "стукнуть, стучать, постучать". Свои остальные многочисленные значения, такие как "врезать" (в смысле: ударить, нанести удар), "сделать что-то" и инвективное "трахать", это слово получило позже (подробнее о сегодняшнем использовании глагола "לדפק" см. [12]). В языке ПАЛМАХа оно употреблялось весьма часто, особенно когда речь шла об описании военных действий. В этих случаях слово приобретало некую повышенную коннотацию: "нанести удар", а в словосочетании "עסק\עניין דופק" означало уверенность в том, что "наше дело правое, дела идут, всё будет в порядке".

Практически нескрываемое чувство гордого превосходства, звучавшее в речи бойцов ударных отрядов, находило своё отражение, например, в форме и интонации ответов на вопросы. Эти ответы всегда звучали уверенно, без тени сомнения, что было призвано показать независимость и самодостаточность отвечающего, его уверенность в себе, своем отряде, победе своего дела.

Так, одним из наиболее популярных у "палмахников" было утвердительно-усилительное слово "דווקא" ("именно, как раз"). Оно занимает в языке семантическое поле арамейского словосочетания высокого стиля "איפכא מסתברא" ("как раз наоборот, я намеренно сделаю ему..."). Слово "דווקא" пришло, точнее, вернулось, в возрожденный иврит, поскольку изначально оно присутствует в языке еврейских мудрецов эпохи Талмуда, но без своего первичного значения с оттенком дерзости. "דווקא" прочно обосновалось в языке и приобрело роль устойчивой синтаксической единицы в типичном для палмахников стиле построения предложения:

Я как раз хотел туда пойти.

אני דווקא רציתי ללכת לשם.

Почему он стоит именно там?

למה הוא עומד דווקא שם?

восклицание-слово, используемое для того, чтобы уйти от конкретного ответа ("просто-так!", "почему? - да потому!").

ככה!

-Но почему ты не согласна?

אבל למה את לא מסכימה?

-Так!

ככה!

Лаконичное "Так!" избавляет от прямого и подробного ответа, а также указывает на определенное пренебрежение к задавшему вопрос. Ответ имеет целую гамму содержательно-смысловых оттенков: "Я не хочу тебе сейчас отвечать или высказывать своё мнение"; "Это не твоё дело", "Я делаю то, что считаю необходимым".

Эмфатическое "בטח!" может быть переведено как "конечно; естественно; само собой; еще бы!" Обязательно звучит с характерной интонацией самоуверенности и самодостаточности, при этом слово обычно произносится на два отдельных слога [ˈбэ-тах].

Конечно я прав, а как же ещё?

בטח שאני צודק, אלא מה?

Кроме полной уверенности в собственной правоте "בטח" содержит в себе некое утрированно-наигранное недоумение и даже вербальную агрессивность / наступательность по отношению к вопрошающему: как это он осмелился предположить существование другой возможности или усомниться в чем-то.

-Ты думаешь, можно взять אתה חושב שניתן לכבוש את הגבעה
высоту всего одним взводом? עם מחלקה בלבד?
-Конечно, что за вопрос! בטח, איזו שאלה!

Усиление "איזו שאלה" ("Что за вопрос!") часто используется вместе со словом "конечно" и по своим функциям близко к английскому "no problem" — "без проблем; легко; одной левой".

Синонимичное предшествующему выражению "מאה אחוזים" (досл.: "На сто процентов!") несет значение "без сомнения", "наверняка", "естественно". В некоторых случаях сближается по своему значению со словом "בטח".

В этом же ряду стоит самоуверенное, почти хвастливое "סמוך עלי" — "Положись на меня!" "Будь спок!" "Уж я-то не подведу".

Хватало в языке "палмахников" пейоративной и инвективной лексики и фразеологии, определявшихся уже отмечавшейся демонстративной независимостью, поведенческой резкостью, пренебрежением к "ненашим", "не своим". В ответ на безобидный вопрос "איפה?" ("Где?"), можно было услышать грубое, звучащее почти в рифму "בחיפה!" (Досл.: "В Хайфе!") Так отвечающий недвусмысленно давал понять, что не хочет говорить, сообщать что-то, уточнять место. Очень похоже на вульгарно-раздраженное русское "Где-где, в Караганде!", а то и абсолютно нецензурное "В п-зде!"

Откровенное, нескрываемое и порой бесцеремонное сомнение в том, что говорит оппонент, выражалось словом "איפה?" совершенно дивергированным от своего этимона (безобидного вопросительного слова "где?"). В языке того периода в соответствующей ситуации оно означало: "Да ну, не может быть!"; "Ничего подобного!", "Ну да, как же, так я тебе и поверил!"

"מה פתאום!" — "Чего это вдруг? С какой стати? Вот еще!" Обычно произносится пренебрежительно [13, с. 179]:

- ПАЛМАХ ликвидировал лорда Мойна. הפלמ"ח חיסל את לורד מוין.
 - Что ты несешь?! Ты ещё скажи, что ПАЛМАХ и Бернадотта убрал. חיסל גם את ברנדוטט.

По своей семантическо-функциональной нагрузке близко к "איפה".

"בלבול מוח" — "надоедание"; "мозги пудрить"; "глупости"

- Какая атака? Где атака? Что ты несешь? איפה התקפה! מה התקפה! איזה התקפה! מה אתה מבלבל את המוח.

В лексиконе "палмахников" существовало немало других пейоративных и инвективных выражений, реплик и высказываний, например:

- Да он у меня в (маленьком) кармане. אני שם אותו בכיס הקטן.
 Да положил (кладу) я на него. שם פס.
 Знаем (видали) мы таких... שמענו עליך.
 Тоже мне, открыл Америку! גילה את אמריקה.
 Ну да, как же, рассказывай, поверили тебе. א מעיישה.
 Да не смейся народ! אל תצחק את היישוב.
 (Подробнее см.: 13).

"Вежливый ответ в кибуце или ПАЛМАХе, - писала Н. Бен Ехуда в своих воспоминаниях о периоде Войны за независимость (1948-1949 гг. - А. К.), - был "красота" ("יופי") или "здорово" ("נהדר") или "грандиозно" ("עצום"), или "бомба" (любопытно, что в этом значении использовалось не ивритское слово "פצצה", а транслитерированное русское "בומבה" — А. К.), или "ты классный" ("אתה נחמד"), или "пацан, братан, кореш" ("הבוב"). Да кто тогда говорил слова типа "пожалуйста" или "спасибо!?" [1, с. 64].

Сегодня, по прошествии более пятидесяти лет с того бурного периода еврейской истории, немало слов из сленга

ПАЛМАХа продолжают жить в разговорном иврите, вызывая ностальгическую улыбку у представителей самого старшего поколения израильтян.

3. Талмуд как источник неформальной лексики

Как отмечалось в начале раздела "О исторических корнях современного ивритского сленга", нижняя граница начала появления устойчивых сленговых выражений в новом иврите опускается в конец XIX в. Однако, как показывают проведенные нами исследования, лексико-фразеологической базой для последующего сленгового использования могут быть собственно ивритские источники несравненно более раннего периода.

Так, в 30-е - 60-е гг. прошлого века в сленговый лексикон входила значительная группа слов, прежде всего существительных и прилагательных, из текстов Талмуда. Одним из первых на феномен специфического использования талмудической лексики обратил внимание Д. Бен-Амоц в своей рубрике "בחפירות הלשון" которую он вел в еженедельном приложении к газете "דבר" в конце 80-х гг. XX в. Любительские, но очень заинтересованные исследования Бен-Амоца в этой области указывают на талмудические трактаты как на один из первых источников пополнения сленгового корпуса в новое время. Следующие примеры послужат подтверждением этого тезиса.

"כחשה" — *тощая (обычно прозвище для очень худых девушек), в источнике — "כחש גופנא" (בבא קמא דף נט/א), "משום כחשא דארעא" (בבא מציעא קא/ב):*

До свадьбы была тощей, !לפני החתונה היתה כחשה, פחד!
ужас! Но посмотрите на ее зад !ותראה את התחת שלה אכשיר!
сейчас!

Отстань от меня с манекенщицами. Одна тощее другой. !עזוב אותי מדוגמניות. כחשות אחת אחת!

Видал какая худющая? Поверишь, что эта глиста еще сидит на диете? !ראית איזה כחשה! היית מאמין שהשחיפה הזאת ערשה דיאטה?

"אושפיזדה" — *"дыра", гостиница самого низкого уровня, дешевый и грязный постоялый двор, в источнике — "ההו שאיל באושפיזא" (גיטין מד/ב), "הא אית ליה בארעה דישראל" (עירובין נג/ב):*

Любое молодежное общежитие — трехзвездочный отель по сравнению с этой дырой.

Он хотел сэкономить деньги и проснонялся всю ночь по городу, пока в итоге не нашел какой-то вонючий хлев на окраине.

אכסניית נוער זה מלון שלושה כוכבים לעומת האושפיזדה הזאת.

רצה לחסוך כסף. הסתובב כל הלילה בעיר עד שמצא איזה אושפיזדה מסריחה בסוף העולם.

Обратим внимание на любопытный пример дивергенции на вариативном уровне: слово, принявшее значение "дыра, гостиница очень низкого уровня", изначально обозначало на иврите "убежище, любой постоянный двор" и не несло на себе специфически отрицательной коннотации. Арамейско-ивритский корень כ-פ-א хорошо известен и активно употребляется в современном иврите — прежде всего в значении "госпитализировать" (לאשפז). Можно предположить, что еврейские иммигранты из России, знавшие русскую нецензурную лексику, приехав в Палестину в начале XX в., умышленно или непреднамеренно добавили в это слово одну букву — ивритский "ד", — для удобства произношения, изменив звучание слова так, что оно стало напоминать русское нецензурное ругательство. Таким образом слово приняло однозначно отрицательное значение и с этой новой коннотацией стало использоваться в ивритском сленге.

"בדוחה" — клоун, шутник (отриц. коннотация), тип человека, который рассказывает скучные и старые шутки, зануда; в источнике: "בדוחי און מבדחינן עציבי" (תענית כב/א):

Нет у меня сил слушать, как этот зануда пересказывает старые шутки из "Едиот ахронот".

אין לי כוח לשמוע את הוויצים של הבדוחה הזה מ"ידיעות".

- Когда кто-то спрашивает, слышал ли я анекдот не важно о чем, я тут же понимаю, что имею дело с записным клоуном и всегда спешу ответить "Да" до того, как он начнет рассказывать.

כשמישהו שואל אם שמעתי את הבדיחה על לא חשוב מה, אני מיד יודע שיש לי עסק עם בדוחה ואני תמיד ממהר לענות "כן" לפני שהוא יתחיל לספר.

"דרוסה" — "потерявшая девственность", "переспавшая с мужчиной", "трахнутая"; в источнике (כתובות דף י"א/ב):
 ("היא אומרת מוכת עץ אני והוא אומר לא כי אלא דרוסת איש את"):

В первую же ночь он узнает, בלילה הראשון הסתבר לו שהארוסה, что его невеста не девственница. דרוסה.

Когда его подружка "залетела", он предложил ей аборт за его счет. הכניס את דרוסתו להריון והזמין אותה לגרידה על חשבונו.

Да какая девственница? Ее давно уж "оттрахали"! איזו בתולה? כבר מזמן דרוסה!

В последние годы корень דררס чаще всего используется в значении "переехать, сбить автомобилем, задавить". Так, в октябре 2000 г. года в "Едиот ахронот" был опубликован юмористический рассказ известного современного израильского прозаика М. Шалева:

"איך אני דרסתי את הטורס של דויד לוי" ("Как я задавил павлина Давида Леви").

"שגלולה" — шлюха, предлагающая себя, отдающаяся, совокупляющаяся; в источнике: "ועמקן שגלולות וזונות"
 ("ועמקן שגלולות וזונות"):

Эта маленькая шлюшка уже давно глотает противозачаточные таблетки. השגלולה הקטנה הזאת כבר מזמן לוקחת את הגלולות.

Она начала свою карьеру в массажном институте, лахудра такая, а закончила на пляже Тель-Барух*. התחילה את הקריירה שלה במכון עיסוי, השגלולה הזאת, וגמרה אותה בחוף תל ברוך.

"גלולה" — Крошка, малышка (может быть и м.р.), также "чувиха", "телка"; в источнике "כנושאי זלוחאי" (א/ס/א):

Синерама кишит молоденькими телками. הסינרמה מפוצצת מזלוחות

Не понимаю, что он находит в этой малявке. לא מבין איזה עניין הוא מוצא בזלוחה זאת.

"תקיל" — жирный, тяжелый, толстый, грузный, весомый, ошутимый (по массе); в источнике: (בבא קמא, קיט"א):

* Место на берегу моря рядом с приморским шоссе Тель-Авив — Хайфа, где собираются проститутки.

"חייא אמר ליה זיל שלים לה טבין ותקילין אי אמרת בשלמא":

- Видел толстуху? Тонка как игла. Один зад сто килограммов. Заплатил круглую сумму денег.

ראית איזה תקילה? רזה כמחט. מאה קילו רק התחת. שלים כסף תקיל.

В израильском культовом фильме 70-х годов прошлого века режиссера Аси Даяна "Высота Хальфон не отвечает" ("גבעת חלפון אינה עונה") один герой говорит другому: "Я не сдвинусь с места, пока это дитя аборта не вернет мне двадцать полновесных штук наличными."

"עד שהמחדל הזה לא שם לי ביד עשרים אלף מזומנים ותקילין אני לא זו מהקום".

"עזיז" — здоровущий (ж.р. — бой-баба, мн.ч. — крепьши, здоровячки), сильный, здоровый, окрепший; в источнике "כי רחמתיך הוה עזיזא" (סנהדרין דף א/ז)

Вышел из больницы здоровым, как бык. Иצא מבית חולים עזיזו לאללה.

Маленький, но здоровый. קטן אממה עזיז.

Дереза такая Коза! פזיזה עזיזה זאת.

Ну, дорогой, будь здоров, пока. יללה, תהיה עזיזו חביבי.

Крепко рыгнул. תקע גרפץ עזיזה.

"פרתה" — дерьмо, г-вно; в источнике "דם ופרתא" (סנהדרין דף סז/ב): В войну Судного дня нахлебались мы дерьма на Суэцком канале.

Видел я этот фильм: дерьмо в сметане. ראיתי את הסרט. פרתה בלבן

В жизни не видел такого засранца. בנאדם כזה פרתא לא ראיתי בחיים שלי.

"בחשה" — задира, смутьян, забияка, провокатор, подстрекатель. Основное значение корня ב-ח-ש — "помешивать, размешивать", а приведенное существительное — "половник, разливная ложка"; в источнике "והדר ביה בחשא" (פסחים דף קיא/ב): Не перестает вмешиваться в дела других, задира такой. הבחשה הזה.

Эта заноза задирается с утра до вечера. מסכסכת הבחשה הזאת מהבוקר עד הערב.
 Политики — провокаторы. הפוליטיקאים בחשות אחד אחד.
 все, как один.

"וני מרבעתא דרישיה" — койка, постель, ложе; в источнике "וני מרבעתא דף עג/ב):
 (בבא בתרא דף עג/ב):

Он думает только как бы потрахаться, когда приглашает девочонок отдохнуть в его берлоге. רק זיונים יש לו בראש כשהוא מזמין את החתיחות לנוח במרבעת שלו.

"סירקה" — пук, маленькая вонь, тихое и вонючее дуновение; в источнике "משום סירקה" (בבא קמא דף פב/ב):

Если за столом у тебя вырвался пук, посмотри на соседей с подозрением. אם נפלטה לך סירקה ליד השולחן, תסתכל אחד לשני בחשד.

- Да что эти вонючки пони- !
 мают в жизни? מה הסירחות האלה מבינים מהחיים!

"אכסה" — тупица (м. и ж.р.), болван, дурак, кретин; в источнике "אשא כלבא אכסא תרנגולא" (גיטין דף טז/א):

Получил степень бакалавра и остался тупицей. עשה בייאי ונשאר אכסה.

И тупица, и пустышка эта дрянь! גם איכסה וגם אכסה. המגעילה הזאת!

Ты думаешь, что в Кнессете нет тупиц? אתה חושב שאין אכסות בכנסת?

"פרמשתק" — мужской половой член больших размеров; в источнике "הוא אמה ופרמשתקו אמה" (מועד קטן דף יח/א):

Она увидела его член и упала в обморок. Он ростом всего-то метр с половиной, а труба у него 0-го-го! ראתה את הפרמשתק שלו, התעלפה. כולו מתר מהצפי ופרמשתקו שיבר והצי.

Не нужно его недооценивать. לא שם פרמשתק עליו.

Интересно отметить, что практически все приведенные выше заимствованные из Талмуда лексические единицы, вошедшие в сленговый корпус, представляют собой лексемы инвективно-пейоративного плана. Это подтверждает выдвину-

тый нами ранее тезис о том, что возрождавшемуся разговорному ивриту срочно была нужна лексика и фразеология всех уровней, в том числе вульгарно-просторечная. Однако в силу практически полного отсутствия в библейском иврите инвективной лексики, в новейшее время ее приходилось образовывать от заимствованных из более поздних источников лексических единиц при неизбежной полной или частичной десемантизации последних. Вместе с тем, несмотря на всю экспрессивность представленной выше лексики, она не удержалась в современном ивритском сленге, будучи вытесненной более современными и главным образом заимствованными из других языков словами.

Таким образом,

1. на начальном этапе возрождения иврита в качестве языка повседневного общения евреев в Палестине сленговые, коллоквиальные и заимствованные из ряда языков слова и фразы выполняли компенсаторную и заместительную функцию, служили своего рода временным квази-языком, существование которого было вызвано отсутствием в тогдашнем иврите большого количества "своих" лексико-фразеологических единиц. Тогда использование сленга представлялось временным - лишь до того времени, когда в иврите появятся свои обозначения для всех предметов, понятий и явлений повседневной жизни.
2. Вместе с тем, бурное развитие сленга было вызвано не только нехваткой лексики в возрождавшемся языке, необходимой сейчас и здесь, но и стремлением (отчасти подсознательным) создать свой кодовый язык для большей внутригрупповой герметичности и внешней отгороженности от "чужих".
3. Так или иначе, сленг начал формироваться с того момента, как иврит перестал быть исключительно языком духовной литературы и религиозного культа и начал функционировать в качестве разговорного. При этом сразу начался процесс образования арго замкнутых социальных групп.

Примечания

- I. В силу высокой полисемичности глагола "לדפוק" в современном разговорном иврите представляется интересным рассмотреть сегодняшний сленговый спектр его

употребления. Ниже мы приводим ряд наиболее часто встречающихся случаев использования этого глагола.

- *Делать, исполнять, выполнять - совершать практически любое действие.*

Вчера классно оттянулись. אתמול דפקנו יום כיף. קמנו מאוחר, הלכנו לים, דפקנו שחייה מרעננת ושיזוף, חזרנו הביתה ודפקנו חרופ אדיר. בערב דפקנו ארוחה טובה במסעדה.

Встали поздно, ходили на море, купались и загорали, вернулись домой и завалились спать. Вечером отлично поужинали в ресторане.

- *Нанести вред, навредить, оскорбить.*

Забастовки учителей - классная вещь, но не когда ты в восьмом классе, и каждый день забастовки влияет на аттестат. שביתות מורים זה דבר נפלא, אבל לא כשאתה בשמינית וכל יום שביתה דופק לך את הבגרויות.

Насморк, который я подхватил, испортил все мои планы на следующую неделю. הגריפה שחטפתי דפקה לי את כל התכניות לשבוע הקרוב.

- *Разрушать, ломать, портить.*

Насморк, который я подхватил, испортил все мои планы на следующую неделю. הגריפה שחטפתי דפקה לי את כל התכניות לשבוע הקרוב.

- *Дискриминировать, обманывать, "кидать".*

Ты удивляешься, что тебя всегда кидают? Да ты не умеешь защищать свои интересы! אתה מתפלא שתמיד דופקים אותך? אתה לא יודע לשמור על האינטרסים שלך!

- *Создать проблему, неприятность; наказать.*

Мало того, что я на месяц загремел на военные сборы, так еще на второй день комбат вломил мне три дня нарядов за препирания. לא די שדפקו לי חודש מילואים, אז על היום השני המג"ד דפק לי שלושה ימים בפנים על התחצפות.

- *Получаться так, как было задумано; правильно функционировать.*

Пока ты не приехал, все шло как по маслу. Ты принес нам неудачу! עד שהגעת, הכול דפק כמו שעון. מזל נחס הבאת לנו!

- *Совершить половой акт, "трахнуть".*

Вместо того, чтобы, как все, заплатить и трахнуть ее, он пытался убедить ее бросить профессию и начать жизнь с чистого листа. במקום לשלם ולדפוק אותה כמו כולם, הוא ניסה לשכנע אותה לעזוב את המקצוע ולפתוח דף חדש בחיים.

- *Стрелять, ранить, убить.*

Будь осторожен с духовым ружьем, это не игрушка. Еще ранишь кого-нибудь.

תזהר עם הרובה אוויר הזה, זה לא רужьём, это не игрушка. Еще צעצוע. בסוף עוד תדפוק מישהו. ранишь кого-нибудь.

- *Нанести поражение: победить.*

Почему-то у меня такое чувство, что на этот раз мы их разделяем под орех, да еще на их же поле.

משום-מה יש לי הרגשה שהפעם אנחנו הולכים לדפוק אותם חזק, ועוד במגרש הביתי שלהם.

- *Войти в состояние наркотического или алкогольного опьянения ("ширнуться", "вмазать", "нарезаться"). В более широком смысле - оттянуться, расслабиться, "оттопыриться".*

Не хотите сегодня вечером как следует встряхнуться? Пройдемся по барам, помнишь, как раньше — без баб!

בראש שלכם לדפוק ראש הערב? נעשה איזה סיבוב פאבים בעיר, כמו פעם, ובלי הנשים!

II. Анализ многоуровневого и весьма мозаичного по своим многочисленным составляющим феномена "сабры" чрезвычайно важен для понимания очень многих социально-психологических и этно-демографических коллизий израильского общества. Нам он интересен в силу того, что в 40-е годы прошлого века началось активное формирование лингво-географического явления, которое уже ряд лет именуется в научной литературе "израильским ивритом" (основными составляющими которого были "язык ПАЛ-МАХа" и עברית צברית — иврит сабр). Заметим, что с синхронической точки зрения термин "израильский иврит" по своему социолингвистическому наполнению максимально близко приближается к предложенному нами определению о генезисе и уже тридцатилетнем онтологическом функционировании в Израиле "нового иврита".

Теперь компендиум нашего взгляда на феномен "сабры".

Почти 30-35 лет, начиная с провозглашения независимости Государства Израиль, "сабра" пребывал на вершине израильской национально-социальной стереотипизации. Не успев родиться на земле предков, он уже был запрограммирован находиться в центре схемы, которая возникла задолго до его появления как устойчивого и достаточно репрезентативного

демографического феномена. Еврей-уроженец Палестины / Израиля был обязан стать тем, кем не был галутный еврей - сыном своей страны, патриотом, знающим и ценящим свои корни, мужественным воином-победителем. Как ни забавно, но уже изначально одним из главных его наименований стало транслитерированное англоязычное заимствование "fighter" (боец) — רִמְפָּא.

Любопытно, что, как свидетельствует современный израильский писатель и публицист Эхуд Бен-Эзер, "первоначально прозвище "цабар" или "сабрес" (в идишском произношении) звучало пренебрежительно в устах представителей второй и третьей алии по отношению к простым крестьянским парням, уроженцам Палестины" [14, с. 228]. Отголоски этого мы встречаем и позднее, например, у известного израильского сатирика Эфраима Кишона в рассказе начала 50-х г. прошлого века:

"...Вчера довелось мне поговорить с Ювалем-саброй, и я его спросил, какой город, по его мнению, является столицей Испании.

- Куба, - ответил Юваль-сабра, на что я заметил, что не Куба, а Мадрид.

- Ну, - сказал Юваль, - пусть будет Мадрид.

После этого содержательного диалога я погрузился в размышления и спросил себя: что хотел сказать Юваль этим "Ну" перед словом "Мадрид", однако не нашел ответа" [15, с.234].

Тем не менее, уже в 30-е и тем более в 40-е годы XX века понятие "сабра" было устойчиво сопряжено гордостью и национальной надеждой:

Сабры
Прелесть наша дика
Тайна ее
И образ всегда привлекают
Изобилие
Но и красота наша

(Поэт Яаков Коэн, [14, с. 228])

Уже тогда сформировался внутриизраильский узкообчинный стереотип "сабры", продолживший далее существовать с набором ограничительных (исключительных) черт. Поколение "сабр", выросшее в палестинском ишуве, особенно те, чье взросление пришлось на годы Второй мировой войны, бы-

ло воспитано в духе отрицания галута, следствием чего была порой откровенная неприязнь и даже известное презрение к галутному еврею. "Сабра" откровенно или латентно презирал еврейских беженцев из Европы, прибывавших в Палестину / Израиль после Катастрофы. Они ведь якобы "безропотно шли в газовые печи, как стадо, ведомое на бойню", а теперь не говорят на иврите. Они не подворачивают шорты, смешно свисающие до самых колен (появился даже пейоративный экстралингвистический стереотип: "מכנסים-זלמן" — ср. со съехавшей на затылок шапкой Иванушки-дурачка в русских сказках). Их хваленая вежливость и воспитанность являются лишним доказательством их слабости и униженности. В последней психологически-поведенческой установке обнаруживаются корни "крутости" и мачоизма последующих поколений "сабр", что даже стало отличительной израильской национальной чертой. Все отмеченное адекватно отражалось в речи этого национально-социального архетипа.

А вот как позднее, уже проецируя ситуацию на новых израильтян-выходцев из стран Востока, феномен "сабры" сформулировал уроженец Ирака, современный израильский писатель Шимон Балас. В своей книге "Синева и пыль поколения сорок восьмого. Автопортрет" (Иер., 1993) он писал: "Понятие "сабра" не относится к выходцам из общин Востока, будучи прозвищем сугубо ашкеназским — ибо "сабра" означает "прекрасный израильтянин", тогда как выходец из восточных общин ассоциируется с евреем уродливым, являющим собой частицу того Востока, к которому следует относиться с презрением" [16, с.97].

Еще откровеннее и шире в социально-этническом плане это выразил израильско-российский журналист Антон Носик: "...Израиль - страна приехавших. И когда тот миллион, что там родился, - это белая кость, высшая раса, а те 70%, что приехали, — чуть ли не быдло..." [17, с. 39].

Тем не менее, следует отметить, что в 60-е - 70-е годы прошлого века началось раздвоение понятия "сабра". По мере того, как в израильское общество вливались значительные массы относительно однородных в этнокультурном плане эмигрантов из ряда стран (Марокко, Ирана, Советского Союза и т. д.), социально-экономический статус "сабры" возрастал. Вместе с тем, общество становилось все более многообразным и менее закрытым. Это вело к тому, что в развивавшейся ивритской

прозе, поэзии и драматургии мифологический образ "сабры" размывался. Его место занимали разнообразные типы израильтян - людей из плоти и крови, многоликое большинство. Символическим отражением начавшегося процесса стал сборник статей известного писателя (из "поколения ПАЛМАХ" — !) Х. Бартова "Я не мифический сабра", вышедший еще в 1955 г. Прозаик писал: "Так можно ли быть "мифологическим саброй"? Конечно же, нет, когда каждый десятый израильтянин прибыл только вчера" [14, с. 233]. Бартов призывал "улететь как можно дальше от мифологического сабры, вернуться назад, к реальному израильтянину, к еврею..." (там же).

Библиография

1. מוצ'ניק מלכה. עברית שפה חיה. חיפה, תשנ"ג.
2. Гутман Н., Бен-Эзер Э. Меж песками и небесной синью. Иер., 1990. 225 с.
3. עוזי אורנן. מילון המילים האובדות. ירושלים ותל-אביב, תשנ"ו. 316 עמ'.
4. Елистратов В. Арго и культура // Елистратов В. Словарь московского арго: Материалы 1980-1984 гг., М., 1994, 700 с.
5. בר-אדון אהרון. לאטימולוגיה של כמה "מלות-סלנג" בעברית הישראלית של ימינו \\ לשוננו לעם. ל"ה, התשמ"ד, א', עמ' 19-25
6. בר-אדון אהרון. עיר וכפר בלשוננו המדוברת של הדור הצעיר בישראל \\ לשוננו לעם. עמ' 21-28
7. בר-אדון אהרון. עיונים באוצר המלים של ילדי ישראל \\ לשוננו לעם. כסליו תשכ"ז
8. בר-אדון אהרון. לשוננו המדוברת של הדור הצעיר בישראל - כנושא למחקר (במסגרת חקר העברית הדבורה בישראל) \\ "החינוך". 1963, עמ' 21-35
9. בר-אדון אהרון. לשונם המדוברת של הילדים בישראל (בשכפול). י"ם, 1959, ב' כרכים, 550 עמ'
10. פרסקי דניאל. נצני עברית מדוב רת. \\ לשוננו. ה' תרצ"ג, עמ' 93-96
11. שלמה מורג ורפאל ספן. מילון הדוידים ויורדי הים בישראל. עמ' 615-642 \\ העברית בתזמנו. מחקרים ועיונים י"ם, תשמ"ח. ערך שלמה מורג. חלק ב'. עמ' 401-741
12. נ' בן-יהודה. "1948 - בין הספירות". י"ם, 1981.
13. הצבר - דיוקן: הבן המובחר של העם הנבחר \\ ביטויים של אליטיזם ונרקיסזם בשפת הצבר. עמ' 176-185.
14. Рубинштейн А. От Герцля до Рабина: Сто лет сионизма. Минск, 2000. 400 с.
15. קישון א. אלף גדי וגדי. ת"א, 1954. עמ' 303.

16. Рубинштейн А. Конец мифа о "сабре" // "Время искать" (Иер.), 1998, № 1, с. 95-115.
17. Человек в кипе, "который нашел все" // "Алеф" (М.), ноябрь 2001, № 895, с. 38-41.

Об авторах

Ваксман Татьяна Викторовна, аспирантка ГКА им. Маймонида.

Вайнштейн Александр Исаакович, зав. кафедрой иврита Академии "Туро"; доцент ГКА им. Маймонида, преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Друскинас Залманас Ицикович, ст. преподаватель ГКА им. Маймонида, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Еврейского университета в Москве.

Дубова Ольга Львовна, доцент ГКА им. Маймонида; преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Едовичукий Михаэль (ד"ר מיכאל ידוביץקי), Ph.D., директор отдела языка, культуры, высшего образования и искусства по СНГ и Восточной Европе департамента образования Еврейского Агентства для Израиля.

Зыскин Игорь Владимирович, ст. преподаватель ГКА им. Маймонида, преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Княжицкий Игорь Аркадьевич, старший преподаватель ГКА им. Маймонида, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Колода Светлана Александровна, преподаватель иврита Горловского педагогического университета (г. Горловка Донецкой области, Украина)

Крюков Александр Александрович, к. и. н., доцент ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, зав. кафедрой иврита Еврейского университета в Москве.

Марьянчик Евгений Борисович, к. т. н., доцент, зав. кафедрой иврита ГКА им. Маймонида; зам. зав. кафедрой еврейских языков ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Пашаева Зарифа Эльхановна, преподаватель иврита Еврейского университета в Москве.

Свет Марианна Викторовна, преподаватель ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Токаренко Татьяна Александровна, преподаватель иврита Еврейского университета в Москве.

Тутельман Софья Михайловна, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Флиттов Сергей Михайлович, аспирант ГКА им. Маймонида; преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Френкель Лия Менделевна, преподаватель иврита еврейского педагогического колледжа "Махон Хая Мушка".

Шибанова Татьяна Валериевна, преподаватель иврита Еврейского университета в Москве.

Шор Лариса Давидовна, доцент ГКА им. Маймонида; преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Шпекторова Наталия Ивановна, преподаватель иврита ГКА им. Маймонида и Еврейского Университета в Москве.

Шпирко Илья Николаевич, аспирант ГКА им. Маймонида; преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Еврейского университета в Москве.